

УДК 297: 72.06

Информация о статье:**Е.И. Кононенко**
 Поступила в редакцию: 12.07.2015
 Передана на рецензию: 13.07.2015
 Получена рецензия: 22.07.2015
 Принята в номер: 20.07.2015

Пределы «модернизации» мечети: опыт турецкой архитектуры

 Государственный институт искусствознания МК РФ; j_kononenko@inbox.ru

Мечеть вернулась в архитектуру Турецкой республики после Второй мировой войны как переосмысление привычной османской модели. Во II половине XX – начале XXI в. стилистические поиски архитекторов Турции колебались между двумя полюсами – османизирующей традицией и авангардом, стремлением воплотить на национальной почве тренды «интернациональной архитектуры». Однако оригинальность решений современных мечетей столкнулась с консервативностью мусульманских общин, доходящей до бойкотирования новых построек. Необходимость считаться со вкусами «конечного пользователя» вынуждает мастеров искать компромиссы между традиционным архитектурным образом и непривычными инженерными решениями. «Слишком современные» турецкие мечети, не утрачивая функции культовых зданий, ограничиваются малыми формами и превращаются в знаки престижа, маркирующие принадлежность к определенным социальным группам, но неоднозначно воспринимаемые мусульманами-традиционалистами.

Ключевые слова: *современная мечеть, интернациональный стиль, османская традиция.*

The mosque returned to Turkish architecture after the Second World War as a reframing of a familiar Ottoman model. In the second half of the 20th and early 21st century, stylistic searches of Turkish architects were swinging between the two extremes: the Ottoman tradition and the avant-garde with its aspiration to embody international architectural trends on the ethnic ground. However, the original architectural solutions of the present-day mosques are confronted with the conservatism of Muslim communities that even resort to construction boycotting. Architects have to consider the tastes of “end users” and look for a compromise between the traditional architectural treatment and new design solutions. “Too modern” Turkish mosques, while preserving the functions of places of worship, are confined to small sizes and become the signs of prestige marking believers’ belonging to particular social groups. However, they are met with a mixed reception by Moslem traditionalists.

Keywords: *the contemporary mosque, international style, Ottoman tradition.*

Введение

Архитектура мечети, не являющейся образом мироздания и потому лишенной символики храмовой постройки, но служащей местом коллективной молитвы и духовным центром мусульманской общины, предполагает способность к изменениям, к реакции на художественные поиски. Более того, «мечеть изначально нацелена на трансформативность своей формы» [5, с. 10]. Важной посылкой оказывается признание того, что «мечети, отстроенные в стиле современной архитектуры, вовсе не обязательно должны походить на мечети исторического прошлого» [5, с. 12]. Однако «модернизация» культовой архитектуры, ставшая одним из модных «трендов» интернационального художественного процесса, применительно к мусульманскому зодчеству наталкивается на своеобразный «защитный механизм»; связано это как с осторожным теологическим

оправданием обновлений (*бид'а*), так и с традиционностью самой *уммы*, выступающей в качестве заказчика и пользователя зданиями мечети.

Обращение к мечети как к отдельной интересной теме, открывающей перед зодчими целый ряд возможностей в рамках «интернациональной архитектуры» [4, с. 363; 9], привело к появлению целого ряда примечательных сооружений как в традиционно мусульманских странах, так и в Европе и Америке [10]. Архитектурное своеобразие подобных проектов актуализирует вопрос о приоритете оригинальности трактовки образа культового здания над традиционным восприятием места молитвы. Вопрос этот риторический. Однако при рассмотрении темы современной мечети интересно обратиться к опыту Турецкой республики – светского государства с преимущественно мусульманским населением.

Османская «неоклассика»: ценность традиции

Провозглашение Турецкой республики (23 октября 1923 г.) повлекло за собой упразднение Османского халифата. Кемалистское правительство не пыталось бороться с религией: признавая прочность и важность духовной традиции, оно создало особый вариант «государственного ислама», определяемый не как «секуляризм» (отделение религии от государства), а как «лаицизм» – полное подчинение религии государству, осуществляемое посредством специально созданных органов управления и контроля [8, с. 357].

Декларированное революционное обновление коснулось и архитектуры: республика нуждалась в соответствующих ее европеизации формах, в восстановлении после освободительной войны, в придании Анкаре масштаба, отвечавшего ее роли новой столицы. Эти задачи были решены достаточно быстро благодаря реформированию профессионального образования и приглашению европейских мастеров [12, с. 69–70]. Однако реализация принципов светского государства на несколько десятилетий практически исключила культовое зодчество из архитектурной практики. Единичные мечети, появлявшиеся в Турции в 1920–30-х гг., возводились без какой-либо государственной поддержки и по проектам, выполненным еще в османской Академии изящных искусств. Эти проекты укладывались в рамки «нео-османского стиля», популярного в самом начале столетия, вполне отвечавшего риторике тюркизма; правда, уже к 1930-м годам образцом для «новой архитектуры», соответствовавшей обновлению страны, стал европейский модерн.

Однако во время Второй мировой войны отношения государства и религии в Турции, как и в СССР, были пересмотрены [1, с. 241–273]; здания мечетей уже не воспринимались как неременная часть традиционного пейзажа, но должны были стать как символом возвращения к обычной жизни, так и напоминанием о победоносном прошлом. В первые же послевоенные годы в новых районах крупных городов (прежде всего стремительно растущих Стамбула и Анкары) на выделяемых государством землях возникли новые мечети.

Возведение первой же с момента провозглашения Республики большой мечети, каковой в 1945 г. стала Шишли-джами в Стамбуле, продемонстрировало нормативность османских ориентиров. Особенно важным был выбор и архитектурного образца, и исполнителя, – им стал В. Эгели (1890–1962), выпускник Академии изящных искусств 1913 г., работавший вместе с ведущими зодчими последнего османского десятилетия, известный как реставратор классических стамбульских мечетей. Этот выбор предопределил обращение архитектуры новой турецкой мечети к композициям, созданным еще в XVI в. великим Синаном, и сводившимся к зальному молитвенному пространству, перекрытому системой куполов и полукуполов и предваренному окруженным купольными же галереями двором. Эти конструкции и композиция многократно повторялись в османском зодчестве вплоть до начала XX в., получая лишь различное стилистическое оформление – барочное, классицистическое, неовизантийское.

Консервативная архитектурная «неоклассика» в турецком варианте современной культовой архитектуры свелась к воспроизведению образа «большой османской мечети», исторически отражавшей идеи могущества государственной власти и национальной самоидентичности в рамках идеалов вначале паносманизма, а затем и тюркизма. Подобный образ во второй половине XX в. многократно тиражировался в городских мечетях практически всех городов Турции. В силу географической близости, традиционных религиозных связей и активного культуртрегерства турецких миссионеров именно современные вариации османской мечети оказались востребованы при возведении *джума-джамии* на рубеже XX–XXI вв. в северокавказских республиках РФ (Юсуф бей-джамии – в Махачкале, «Сердце Чечни» – в Грозном), Поволжье и даже на Урале (мечеть Исмаил аль-Бухари в В. Пышме) [3]. Несмотря на полноценное выполнение этими зданиями культовых функций, именно «османизирующие» мечети послужили аргументом для создания нелестного представления о том, что «для современной (мусульманской. – Е.К.) архитектуры России не существует других архитектурных стилей, кроме турецкого», и признания облика таких построек «непроработанным, иконографически унылым» [5, с. 46].

Между тем необходимо отметить существование в мусульманской архитектуре Турции не слишком многочисленной группы памятников «умной», инновационной архитектуры, совершенствующих, развивающих и трансформирующих представление о возможностях «неклассической» мечети.

Турецкие прецеденты обновления мечети

Стилистические поиски архитекторов Турецкой республики колебались (и продолжают колебаться) между двумя полюсами – османизирующей традицией, к которой декларативно обращались представители нескольких этапов «национального архитектурного движения», и вестернизированным авангардом, поиском возможностей «встроиться» в синхронные международные тренды (обращение к модерну в 1930-х гг., к «интернациональной архитектуре» в 1950-х, участие турецких мастеров в международных конкурсах, привлечение иностранных архитектурных бюро для реализации на конкурсной основе амбициозных государственных проектов в Анкаре и Стамбуле) [2, с. 172–179].

В конце 1950 – начале 1960-х гг. «современная мечеть» становится популярной и в архитектурном, и в социологическом аспектах темой модного тогда интернационального стиля благодаря предоставлявшимся зодчим возможностям и интересным задачам. Турецкая архитектура, безусловно, не могла остаться в стороне от поисков новых форм культовых зданий. Однако следует оговорить, что в подавляющем большинстве случаев при заимствовании ультрасовременных идей туркам удавалось тактично приспособлять наиболее смелые проекты к перенесению на собственную почву с помощью более привычных форм, материалов, элементов декорации, апеллируя опять-таки к национальной традиции. Важную роль в этом процессе сыграло создание Палаты архитекторов (1954 г.), контролирующей проведение творческих конкурсов и распределение заказов [11, с. 67–68].

Имеет смысл выделить несколько наиболее показательных реализованных проектов «авангардных» мечетей, широко обсуждавшихся турецкой архитектурной критикой и воспринятых как прецеденты, отдельные решения которых стали образцом для подражания и цитируются в целом ряде других памятников.

Одним из первых прецедентов неклассического мусульманского здания стала мечеть на Кыналыаде (см. рис. 1) в группе Принцевых островов в Мраморном море вблизи Стамбула. Маленькая постройка, вмещающая всего сотню молящихся, возведена в 1956–

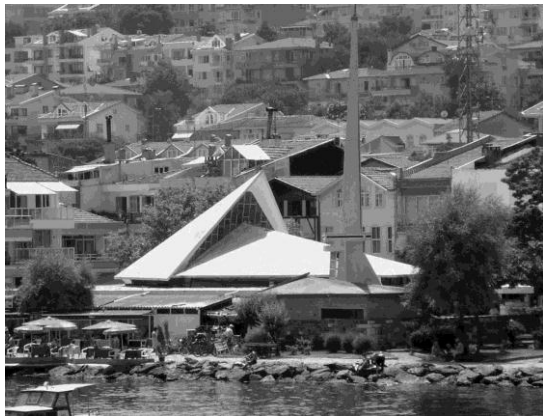

Рис. 1. Мечеть на о. Кыналыада. 1964. Арх. Б. Аджарли, Т. Уйяроглу

1964 гг. как часть расположенного на острове клуба водных видов спорта. Снаружи здание никак не соотносено со своей культовой функцией – гранеными формами перекрытий оно напоминает скорее спортзал, бассейн или концертную площадку. Архитекторы отказались и от привычного квадратного плана, и от традиционного купола – шестиугольный молитвенный зал перекрыт двумя неправильными пирамидами разной высоты, сдвинутыми по отношению друг к другу так, чтобы разделяющая их вертикальная плоскость превратилась в единственный в интерьере световой проем. Молитвенный зал предварен

закрытым многоугольным двориком с боковым входом; традиционный портик сокращен до небольшого пронаоса со стеклянными стенами.

Из башни, предназначенной для подъема муэдзина, минарет мечети Кыналыады превратился в трехгранный обелиск на наклонном призматическом основании, скрывающем радиорубку. Эта вертикальная доминанта напоминает составную мачту яхты, соответствующую «морской теме», как бы задаваемой самим заказом.

Данный памятник в пределах архитектурной темы современной мечети стал своего рода практической пробой трендов «интернационального стиля», ориентированной прежде всего на европеизированную стамбульскую молодежь, отдыхающую и тренирующуюся на Принцевых островах. Турецкая критика легко связала непривычные решения молитвенного здания на Кыналыаде с традиционными элементами османской мечети, отметив бережное обращение с ритуально значимыми компонентами интерьера.

Еще более дерзким экспериментом стала небольшая мечеть в каппадокийском городке Деринкую (рис. 2). Здание построено в 1971 г. в городском парке, заложенном и оформленном мэром Деринкую, известным турецким скульптором Х. Атамюлю, и такое авторство позволило превратить культовое сооружение в странный пластический объект, явно вдохновленный идеями запоздалого конструктивизма. «Объект» Атамюлю, сливающий воедино здание мечети и минарет, воспринимается как некий прижавшийся к земле скорпион, выставивший вперед «клешни» конфорсы и высоко поднявший длинный острый хвост.

Рис. 2. Мечеть в г. Деринкую. 1971. Арх. Х. Атамюлю

И план мечети, и ее разрезы представляют собой треугольники. Плоская крыша здания резко изгибается и переходит в одну из граней обелиска, заменяющего собой минарет. Трехгранный серповидно изогнутый минарет «вытягивается» непосредственно из здания, имеющего вход сбоку, и скрывает в себе небольшое предвещающее молитвенный зал помещение. Дворик не предусмотрен, скульптурное тело сооружения, заключающее в себе пространство для молитвы, в оформлении которого усматриваются элементы

архитектурной декорации сельджукского периода, не претендует на захват внешнего пространства [2, с. 165–166].

Пожалуй, наиболее разрекламированным памятником современной мусульманской архитектуры Турции является мечеть Национальной Ассамблеи в Анкаре (рис. 3), построенная в 1989 г. Мечеть архитекторов Б. и Дж. Чиниджи уже на стадии строительства оценивалась критиками как «наиболее радикальная среди современных мечетей» и даже как «опровержение традиционной мечети», не имеющая ни купола, ни минарета, ни стены киблы в традиционном понимании [6, с. 155, 161].

Потолка как такового над молитвенным залом нет: перекрытие, имитирующее сельджукские деревянные конструкции, образовано ступенчатой пирамидой, опирающейся на мощные квадратные консоли, переходящие в потолочные балки. Разрывы между ступенями перекрытия на коротких сторонах зала служат световыми проемами.

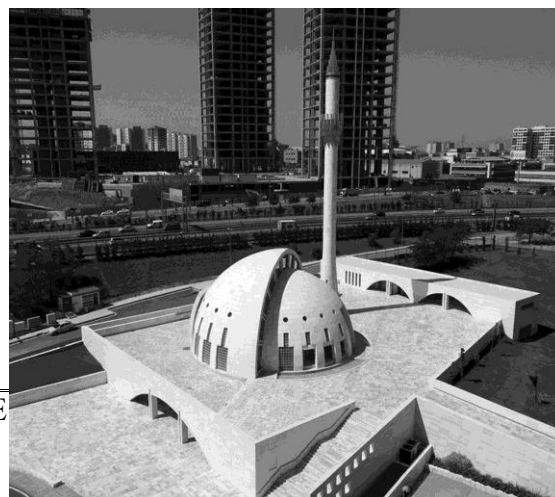
Наиболее радикальным новшеством в Парламентской мечети оказалась открытость стены киблы. Перед вставшими на молитву оказываются террасный парк с маленьким бассейном, подступающим к самому цоколю здания. Стекланный михраб, обращенный к югу, к солнцу,

превращен в закрытом с других сторон молитвенном зале в главный источник света – в этом решении можно увидеть архитектурное воплощение коранического образа (Коран 24:35). Молящийся, расположившийся на полу Парламентской мечети перед прозрачной плоскостью стены киблы и видящий перед собой гладь бассейна и террасный сад, может быть уподоблен человеку, медитирующему перед дзэнским садом камней.

Отметим, что благодаря предельно нейтральным и лаконичным решениям авторам проекта Парламентской мечети удастся избежать каких-либо символических коннотаций на тему «государство и религия», которые позволили бы обвинить их в возможной «политической ангажированности» в решении столь значимого в силу своего расположения и принадлежности культового здания.

Рис. 3. Мечеть Национальной Ассамблеи. Анкара. 1989. Арх. Дж. и Б. Чиниджи. Интерьер

К 2010 г. реализован проект мечети в элитном поселке Умрание на севере азиатской части Стамбула. Йешилвади-джами (арх. А. Козмаоглу) (рис. 4) представляет собой конструкцию из двух полукуполов разного размера, скрывающих в себе и молитвенный зал с поднятыми на опорах балконами, и застекленное помещение, заменившее портик. Два полукупола сдвинуты относительно друг друга так, чтобы образовывать охватывающий весь поперечный диаметр мечети световой проем в виде полукольца – прием, использованный еще в 1960-х гг. в мечети Кыналыады, в данном случае применен для центрического пространства. Первоначальный замысел архитектора предполагал, что полушарие мечети должно восприниматься как остров и будет находиться между двумя расположенными на разных уровнях мелкими бассейнами, а посетители смогут входить в молитвенное пространство по мостику; однако в процессе воплощения концептуальный проект был значительно упрощен.

Наиболее резонансным памятником современной исламской архитектуры Турции последних лет явилась Шакирин-джами (рис. 5), отнесенная к стилю хай-тек, не слишком востребованному при возведении религиозных сооружений. Это здание открылось для молящихся в 2009 г. на кладбище Караджа-Ахмет в районе Уськудар, считающемся в Стамбуле одним из наиболее консервативных в религиозном отношении.

Перекрытие мечети – это полушарие диаметром почти 40 м с отсеченными вертикальными плоскостями сферическими сегментами, а секущие плоскости заполнены не массой стен, а ажурными застекленными решетками, раздвигающими пространство мечети; в результате интерьер открывается наружу, наполняясь естественным светом и становясь доступным для обозрения извне (особенно при вечернем освещении).

Два элемента – купольный зал и двор – определяют принципиальное следование архитектурному образу османской мечети. Галереи двора, в первоисточниках традиционно сводчатые либо купольные, перекрываются пологими куполами, воспринимаемыми зрителем как отрезки полуциркульных сводов.

В конструкции отдельно стоящих минаретов архитектор исходил из современной ритуальной практики, априорно не предполагая, что муэдзин будет подниматься на балконы; зрителю предлагаются не функции, а именно образы традиционных османских минаретов.

Говоря о Шакирин-джами, необходимо вернуться к проекту Большой мечети Анкары, разработанному на рубеже 1950–60-х гг. В. Далокаем. Результатом многоэтапного конкурса, в котором этот проект победил, должен был стать символ «государственного ислама» в столице Турецкой республики [2, с. 159–163]. Использование самонесущей конструктивной оболочки, опирающейся на точки вне молитвенного зала, позволило лишить стены мечети несущей функции и сделать их стеклянными, зрительно объединив молитвенный зал и окружающее пространство. Проект мечети-«тента», поразивший общественность и даже начавший претворяться в материале, легко разошелся на архитектурные цитаты, но после военного переворота 1960 г. перед новым поколением конкурсантов была поставлена четкая задача ориентации на национальную традицию. На готовом фундаменте мечети Далокая возникла существующая Коджатепе-джами – масштабная современная версия

Рис. 4. Мечеть Йешилвади. Стамбул. 2010. Арх. А. Козмаоглу

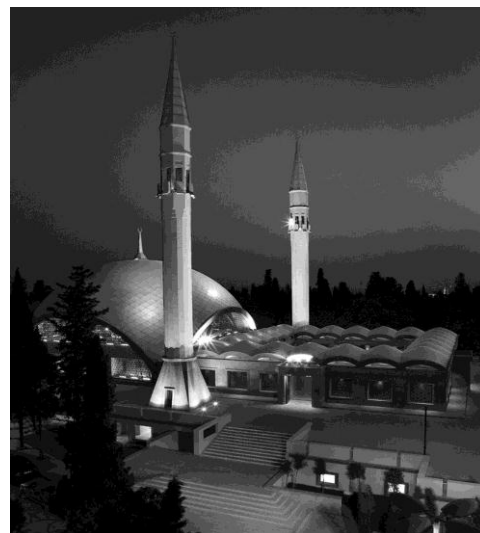

Рис. 5. Мечеть Шакирин. Стамбул. 2009. Арх. Х. Тайла, дизайн З. Фадилиоглу

«большой османской мечети». В. Далокай переработал свой проект, и позже он отчасти был реализован в мечеть короля Фейсала в Исламабаде [5, с. 50–51; 13, с. 213].

Традиция на страже границ эксперимента

Диапазон современных турецких мечетей не ограничивается представленными памятниками, но приведенных примеров достаточно, чтобы сделать некоторые выводы о судьбе авангарда в культовой мусульманской архитектуре Турции.

Прежде всего, ни одна из проанализированных построек не может служить даже полноценной квартальной мечетью, не говоря уже о мечети «соборной» (*джума-джами, улу-джами*). Мечеть Кыналыады, хотя и единственная на острове, вмещает всего сотню молящихся; мечеть в Деринкую и стамбульская Йешилвади-джами – около 200; Парламентская мечеть рассчитана на 450 присутствующих, Шакирин-джами – на 500. Таким образом, эти культовые здания оказываются скорее знаками приобщения к исламу, лишь декларируют потенциальную возможность совершить коллективный намаз, но на практике не способны принять сколь-либо значимое количество молящихся в дни мусульманских праздников.

Во-вторых, принципиально важно, что появление авангардных мечетей в Турции возможно прежде всего благодаря частному – семейному либо корпоративному – заказу. Регулярно декларируемая и настойчиво напоминаемая турецким архитекторам ценность национальной традиции, на практике выливающаяся в далеко не всегда творческое воспроизведение, а зачастую – в откровенное клонирование османских памятников, сужает шкалу эксперимента в формировании современной мечети, практически невозможного в репрезентативном «госзаказе».

Проекты «нетрадиционных» культовых построек реализуются не в муниципальных жилых кварталах, а на территории промышленных и коммерческих комплексов, в кампусах университетов, в элитных пригородах и клубных поселках, т. е. там, где демонстрация приверженности исламу сочетается с позиционированием интеллектуальной свободы, а также на территории кладбищ, где строительство мечети преподносится как благотворительность (*вакф*), дар мусульманской общине. Мечеть Кыналыады обязана своим появлением Клубу водных видов спорта, инициатором ее возведения был Б. Аджарли – уроженец острова Кыналыада, выпускник факультета архитектуры Стамбульского технического университета, известный турецкий ватерполист, работавший на Кыналыаде администратором клуба спортивной ассоциации. Инициатива строительства Парламентской мечети принадлежала собственно Национальной Ассамблее, мечети Йешилвади – проектировщикам отдельно взятого жилого комплекса в районе Умрание. Возведение Шакирин-джами стало возможно благодаря частному фонду семьи Шакир, почтившей таким образом память родителей, и необычное оформление здания выполнено членом этой же семьи – известным дизайнером З. Фадилиоглу. Детище мэра Деринкую доводит линию оригинального частного заказа до абсолюта: «сам придумал – сам разрешил – сам построил».

Кроме того, следует указать на целый ряд оригинальных мечетей, возведенных по заказу компаний и производственных объединений, – название ТЕК-джами в Анкаре включает аббревиатуру Техничко-электрической компании; Буттим-джами в Бурсе – аббревиатуру названия промышленной зоны (*Bursa Tekstil Ticaret İş Merkezi*); Ярхасанлар-джами в Манисе является частью здания Департамента водоснабжения и канализации. Особую фантазию в строительстве авангардных мечетей проявляют турецкие университеты, декларируя одновременно уважение к религии и вестернизированное свободомыслие.

Тема «университетских мечетей», которая, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения, позволяет выделить еще одну характерную черту современных мечетей Турции – их «клубность», элитарность и часто физическую недоступность, рассчитанную на искусственное отделение «своих» от «чужих» по признаку деятельности или

проживания. Связано это прежде всего с корпоративной принадлежностью таких зданий, находящихся на изолированных территориях, где действует пропускной режим, – кампусах, элитных кварталах, владениях фирм и уж тем более в парламентском квартале. Эти мечети часто не предназначены для постоянного общего пользования, и именно в силу корпоративной изолированности культовых зданий их архитекторы отваживаются на радикальные эксперименты.

Однако остается открытым вопрос – где границы авангардных поисков и как неклассическая мечеть будет воспринята ее потенциальными пользователями? Вопрос этот актуален всегда, когда возникает риск конфликта привычного восприятия и модернистского эксперимента, регулярно обвиняемого в разрушении традиционных ценностей. С опасностью неприятия «слишком современной», переосмысленной культовой архитектуры наверняка приходится сталкиваться и зодчим-реформаторам в менее традиционалистских и более «избалованных» ультрасовременными постройками арабских странах Персидского залива [7]. Тем более осторожно приходится относиться к эксперименту в области культовой мусульманской архитектуры мастерам Турции с ее далеко не однозначными на практике взаимоотношениями государства и религии.

Например, З. Фадилиоглу признавалась, что при проектировании Шакирин-джами консультировалась с теологами, социологами и даже жителями Уськудара, где должна была появиться ее постройка, и предварительно убедилась, что ее искания будут благосклонно восприняты мусульманской общиной; однако на практике даже само название мечети, связанное с именем заказчика – семьи Шакир, не прижилось, и новое здание осталось для жителей Уськудара исключительно *modern jami*. В разных городах Турции приходится видеть, как многие современные просторные квартальные мечети даже во время пятничной или праздничной молитвы остаются полупустыми, тогда как находящиеся в нескольких кварталах от них старые здания мечетей не могут вместить молящихся: мусульмане прежде всего старшего поколения стремятся оказаться в более привычном пространстве. На Кыналыаде, услышав азан с минарета-мачты, местные жители не спешат в единственную «клубную» мечеть, предпочитая расстилать молитвенные коврики на балконах соседних с ней домов или в подсобках расположенных в шаговой доступности от мечети ресторанчиков на набережной.

Показательно отношение «конечного потребителя» (общины) к мечети, «подаренной» Деринкую его мэром-скульптором. Когда я расспрашивал о ней местных жителей, многие говорили, что знают этот памятник, считают его необычным, оригинальным, и прекрасно понимают, что это – новая достопримечательность Каппадокии; однако люди старшего возраста неизменно с сомнением, сожалением, а то и с явным неодобрением характеризовали это здание как «слишком современное» и уточняли, что не пользуются им как местом молитвы, поскольку оно «не похоже на мечеть». Легко понять, что «похожесть» в их понимании связывается в первую очередь с привычностью, схожестью с аналогами, т. е. пребыванием в рамках региональной традиции, сводящейся к исторической сельджукской или же к османской мечети (пусть даже в ее осовремененных вариантах), и к полному разрыву с привычным и «похожим» мусульманская община оказывается не готова.

Заключение

Развитие современной авангардной мечети как объекта архитектурного эксперимента в Турции во многом сдерживается как декларируемой ориентацией на традицию, так и традиционностью самой уммы. В светской республике архитектор, вступая на поле культового мусульманского зодчества, вынужден ограничивать рамки эксперимента формообразования частным либо корпоративным заказом и преимущественно малыми размерами зданий, а также ориентироваться не только на мнение образованных интеллектуалов и профессиональных экспертов, но и (а часто и прежде всего) на последующее принятие результатов его поисков новой формы

«конечным потребителем», и должен быть готов к бойкоту результатов своего труда вследствие несхожести их с привычными формами. Видимо, накопленный турецким зодчеством опыт социализации культовой мусульманской архитектуры (в т. ч. и негативный) должен быть учтен при возведении современных мечетей и вне Турецкой республики.

Литература

1. Киреев Н.Г. История Турции. XX век. – М.: Крафт+, 2007. – 609 с.
2. Кононенко Е.И. Турецкая мечеть: между неоклассикой и не-классикой // Искусствознание. – 2014. – № 3–4. – С. 155–182.
3. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М.: Гендальф, 2001. – 180 с.
4. Фремpton К. Современная архитектура. Критический взгляд на историю развития. – М.: Стройиздат, 1990. – 535 с.
5. Шукуров Ш.М. Архитектура современной мечети. Истоки. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. – 202 с.
6. Al-Asad M. The Mosque of the Turkish Grand National Assembly in Ankara: Breaking with Tradition // Muqarnas. – 1999. – V. XVI. – P. 155–168.
7. Architecture and Community: Building in the Islamic World Today / eds. Holod R., Rastorfer D. – New York. Aperture, 1983. – 256 p.
8. The Cambridge History of Turkey. Vol. 4. Turkey in the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 574 p.
9. Hitchcock H.-R., Johnson Ph. The International Style: Architecture Since 1922. – N.Y.: W.W.Norton & Company, 1996 [1932]. – 240 p.
10. Holod R., Khan H., Mims K. The Contemporary Mosque. Architects, Clients and Designs since the 1950s. – N.Y.: Rizzoli, 1997. – 288 p.
11. Kuban D. A Survey of Modern Turkish Architecture // Architecture in Continuity. – N.Y.: Aperture, 1985. – P. 65–75.
12. Seyand Y., Tapan M. Architectural Education in Turkey: Past and Present // MIMAR 10: Architecture in Development. – Singapore, 1983. – P. 69–75.
13. Shaw I. Pakistan Handbook. – Hong Kong: Liberty Books, 1989. – 478 p.

References

1. Kireev N.G. Istoriya Turtsii [The History of Turkey]. Moscow, Kraft+, 2007. 609 p. (in Russian).
2. Kononenko E. Turetskaya mechet': mezhdru neoklassikoy I ne-klassikoy. [The Turkish mosque: between neoclassicism and non-classicism] *Iskusstvoznanie* [Art Studies]. 2014, no. 3–4. Pp. 155–182. (in Russian).
3. Malashenko A. *Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza* [Islamic landmarks of Northern Caucasus]. Moscow, Gendalf Publ., 2001. 180 p. (in Russian).
4. Frempton K. *Sovremennaya arhitektura. Kriticheskiy vzglyad na istoriyu razvitiya* [Modern architecture: a critical history]. Moscow, Stroyizdat Publ., 1990. 535 p. (in Russian).
5. Shukurov Sh. *Arhitektura sovremennoy mecheti. Istoki* [The architecture of contemporary mosque. The origins]. Moscow, Progress-Traditsia Publ., 2014. 202 p. (in Russian).
6. Al-Asad M. The Mosque of the Turkish Grand National Assembly in Ankara: Breaking with Tradition. – *Muqarnas*. 1999. Vol. XVI. – Pp. 155–168.
7. *Architecture and Community: Building in the Islamic World Today* / eds. Holod R., Rastorfer D. – New York. Aperture, 1983. – 256 p.
8. *The Cambridge History of Turkey*. Vol.4. Turkey in the Modern World. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 574 p.
9. Hitchcock H.-R., Johnson Ph. *The International Style: Architecture Since 1922*. New York. W.W.Norton & Company 1996 [1932]. – 240 p.

10. Holod R., Khan H., Mims K. *The Contemporary Mosque. Architects, Clients and Designs since the 1950s.* – New York. Rizzoli, 1997. – 288 p.
11. Kuban D. A Survey of Modern Turkish Architecture. *Architecture in Continuity.* – New York. Aperture, 1985. – Pp. 65–75.
12. Seyand Y., Tapan M. Architectural Education in Turkey: Past and Present *MIMAR 10: Architecture in Development.* – Singapore, 1983. Pp. 69–75.
13. Shaw I. *Pakistan Handbook.* – Hong Kong: Liberty Books, 1989. – 478 p.